

Сяо Чжигэ сидел рядом. Когда оба ребенка наконец наелись и уснули, он некоторое время молчал, а затем выдавил из себя:

— Как только немного подрастут, нужно будет найти двух кормилиц.

Ань Чанцин подшутил над ним:

— Матушка и Юй Сяо предлагали помочь присмотреть за ними, но ты сам не согласился.

Госпожа Юй вырастила двоих детей, поэтому ухаживать за младенцами ей было куда привычнее; Юй Сяо же просто души не чаял в младших брате и сестре и рвался помогать. Однако Сяо Чжигэ от всего отказался, предпочтя за всем следить лично.

Увы, Бэйчжань-ван недооценил, насколько тяжело ухаживать за двумя младенцами разом. Не прошло и суток, как он довел себя до полного измождения.

Сяо Чжигэ не нашел, что ответить. Глядя на спящих сына и дочь, он лишь мысленно пробормотал: «Вот же маленькие паршивцы».

Впрочем, сегодняшний день они так или иначе пережили. Дети оказались не слишком капризными: если покормить их еще раз среди ночи, они спокойно проспят до самого утра. Сяо Чжигэ сперва умылся и переоделся в чистое платье, затем принес теплой воды, чтобы обтереть Ань Чанцина. Хотя тому и не требовалось соблюдать традиционный послеродовой покой, как роженицам-женщинам, для заживления раны всё же требовалось время, так что восстанавливаться приходилось постепенно.

Когда оба умылись и устроились на постели, было уже поздно. Погасив свечу, Ань Чанцин некоторое время не мог уснуть и тихим голосом заговорил с Сяо Чжигэ:

— Не пора ли нам дать детям имена?

По-хорошему, имена внукам императора должен жаловать сам правитель, однако, учитывая отношения Сяо Чжигэ с императором Аньцином, было совершенно очевидно, что лучше им выбрать имена самим.

Сяо Чжигэ вовсе забыл об этом вопросе. Помолчав немного, он спросил:

— Но-но уже что-то придумал?

Ань Чанцин и сам на самом деле ничего не придумал: став отцом впервые в жизни, он напрочь забыл о выборе имен.

Сяо Чжигэ размыслил и сказал:

— Раз уж они плоть от плоти нашей, объединим наши фамилии и добавим по одному иероглифу.

Вот только какие именно слова выбрать, сразу решить не удалось, и дело отложили. На следующий день Сяо Чжигэ принес несколько книг и вместе с Ань Чанцином принялся их листать. В итоге они решили назвать старшего сына Сяо Аньхэн, а младшую дочь — Сяо Аньчжу.

«Хэн» означало редкую и драгоценную яшму, а «Чжу» — жемчужину, сокровище, которое берегут пуще глаза.

Оба ребенка были сокровищами, доставшимися им с таким трудом.

Спустя полмесяца после родов рана на животе Ань Чанцина постепенно затянулась, а оба ребенка наконец догнали по размерам обычных новорожденных. Сяо Чжигэ велел разыскать двух надежных кормилиц, чтобы те помогли ухаживать за малышами.

Когда в доме появились кормилицы, скрывать существование детей стало невозможно. Сяо Чжигэ не стал прямо объяснять их происхождение; военачальники, хоть и удивились, глядя на выражение его лица, лишних вопросов задавать не решились. Они решили, будто это подкидыши, которых тот привез с юга. За пределами поместья ходило немало домыслов, но Сяо Чжигэ и Ань Чанцин хранили полное молчание, и никто из них словом не обмолвился о происхождении младенцев. Немногие слуги в поместье, знавшие правду, и подавно держали язык за зубами, не смея выронить ни единого лишнего слова.

Так шум вокруг внезапного появления двоих детей в поместье генерала постепенно улегся.

Тем временем незаметно подступил канун Нового года.

В тот канун Нового года город Яньчжоу был украшен фонарями и гирляндами и дышал праздничным весельем. Однако в поместье генерала всё прошло куда скромнее: поскольку Ань Чанцин еще не до конца оправился, никаких праздничных развлечений устраивать не стали. Поужинав за праздничным столом и раздав слугам наградные деньги, их отпустили встречать Новый год.

Ань Чанцин дождался наступления полуночи вместе с детьми, после чего, не в силах больше бороться со сном, уснул первым. Сяо Чжигэ остался оберегать сон всех троих, не смыкая глаз до самого рассвета. Заниматься южными делами откладывать было нельзя, и Сяо Чжигэ с трудом дождался окончания праздничной ночи, но в первый день нового года ему уже требовалось отправиться в путь.

Когда снаружи пропели третьи петухи, Сяо Чжигэ достал три приготовленных красных конверта с новогодними деньгами. По одному он положил младенцам, а третий, побольше, спрятал под подушку Ань Чанцина.

Услышав шорох, Ань Чанцин смутно открыл глаза и, увидав, что Сяо Чжигэ уже полностью одет, окончательно очнулся от сна:

— Ты уже уезжаешь?

Сяо Чжигэ отозвался тихим «хм», поправил сползшее одеяло, заботливо укрыв его, коснулся поцелуем макушки и шепнул:

— Спи. Я не задержусь ненадолго, вернусь совсем скоро.

От автора:

Сунсун: «Мелкие паршивцы совсем не слушаются. Вот вырастут, тогда и задам им трепку».

Ситуация на юге в целом стабилизировалась. На этот раз Сяо Чжигэ отправлялся туда с двумя целями: во-первых, устроить среди беженцев тех крепких мужчин, что желали вступить в армию, а во-вторых, завершив все текущие дела, конвоировать преступников в столицу для

доклада. В конце концов, подавить мятеж ему повелел император Аньцин, а сам Сяо Чжигэ действовал весьма решительно и сурово, уничтожив немало людей и задев интересы многих придворных. Поездка в Ецзин сулила немало трудностей и опасностей, однако совершить её было необходимо.

Поступай он согласно первоначальному плану, то ни за что не стал бы открыто показывать свое превосходство. Напротив, наилучшим решением было бы очернить собственное имя и позволить дурной славе Бэйчжань-вана разрастись еще сильнее. В таком случае, находясь в тени, он смог бы наблюдать за схваткой наследного принца и третьего принца, а в конце, воспользовавшись плодами их вражды, вынудить императора Аньцина передать престол именно ему. Обладая отборным войском Яньчжоу, он имел множество способов захватить трон, и роль стороннего наблюдателя была, без сомнения, самой легкой из них. Однако с появлением Ань Чанцина, а следом и двоих детей, он передумал поступать подобным образом.

Будь он одинок, его бы нисколько не заботила мирская слава. Но теперь у него появилась семья. Если он взойдет на императорский престол, Ань Чанцин неизбежно встанет подле него, а их двое детей станут его преемниками. С древних времен подле тиранов вечно проклинали «роковых красавиц» и «источники бед», возлагая на них вину за гибель государств и династий. Тем более что Ань Чанцин — мужчина. Сяо Чжигэ наперед видел: будь его собственное имя запятнано, спустя века на страницах исторических хроник именно Ань Чанцин станет главным виновником всех бед.

Он готов был с поклоном вознести его на вершину власти, чтобы вместе с ним взирать на земли Да Е, но ни за что не желал, чтобы из-за него Ань Чанцина порочили потомки и историки.

Он мог повести железную конницу и разгромить любые вражеские земли, но мог и собственной рукой поднять эти растерзанные края из руин. Он хотел, чтобы доброе имя будущих императора и императрицы вечно передавалось из уст в уста и славилось в веках.

Поэтому теперь даже прямое противостояние с наследным принцем и третьим принцем не вызывало у него опасений. Это лишь добавит препятствий и потребует чуть больше усилий.

Пока народ Да Е все еще наслаждался празднованием Нового года, Сяо Чжигэ во главе личной гвардии уже снова мчался из Яньчжоу в Юнчжоу.

Из трех южных провинций Да Е генерал Цзоцю из Цинчжоу и Кан Хун из Юнчжоу уже погибли. Цинчжоу формально перешла под управление помощника Цзоцю, но на деле находилась под тайным контролем Чжоу Хэланя. После смерти Кан Хуна из Юнчжоу его подчиненные добровольно изъявили подчинение, и провинция оказалась в руках Се Лина.

Оставался лишь Су Хуайи из Жуаньчжоу. Су Хуайи всегда подчинялся великому чжугу Ши Лэчжэну. Ши Лэчжэн привык носить маску преданного слуги государя и никогда не вмешивался в борьбу за престолонаследие. Однако, судя по сну Ань Чанцина, в будущем Ши Лэчжэн поддержал низложенного наследного принца и собрал беженцев для осады Ецзина. За его честной и добродетельной личиной скрывались волчьи амбиции. Похоже, уже сейчас Ши Лэчжэн был со сведен с наследным принцем. А значит, и Су Хуайи из Жуаньчжоу по большей части склонялся на сторону наследного принца.

Из тринадцати провинций Да Е четыре — Сучжоу, Цичжоу, Жуаньчжоу и Юйчжоу — охраняли подступы к Ецзину. Чжао Юэ из Цичжоу примыкал к фракции наследного принца, Шу Линтин из Юйчжоу была доверенным лицом Шу-гуйфэй, Шэньгу Сюй из Сучжоу — доверенным

человеком императора, а Су Хуайи из Жуаньчжоу всегда оставался в стороне от придворных междоусобиц и казался беспристрастным, но теперь становилось ясно, что он, по всей видимости, уже тайно перешел на сторону наследного принца.

Таким образом, из четырех ключевых провинций две уже находились во власти наследного принца.

Если припомнить происходящее в Ецзине, то император Аньцин, несмотря на болезнь, изо всех сил занимался государственными делами. Наследный принц хоть и не подвергся наказанию или выговору, но Шу-гуйфэй вновь вернула себе благоволение государя, а третий принц совершил несколько некрупных, но заметных заслуг, благодаря чему продвинул по службе немало чиновников из своей фракции. Видя, как былые дни величавого регентства наследного принца подходят к концу, с его мелочным характером он вряд ли сможет дольше сдерживать себя.

Поразмыслив над этим, Сяо Чжигэ не стал торопиться выкорчевывать Су Хуайи как кость из горла. Так или иначе, Цинчжоу и Юнчжоу уже находились в его руках, так что Жуаньчжоу не представляла серьезной угрозы.

Беженцы в Юнчжоу были полностью устроены. Желая искупить вину и получить земельные наделы, многие молодые и сильные мужчины вступили в армию. Се Лин никому не отказывал, принимая всех подряд. Затем он смешал их с прежними солдатами Юнчжоу, сформировал новые отряды и начал проводить учения по методу армии Яньчжоу.

На юге долго не было войн, и воины разленились. Пусть армия Юнчжоу и выглядела получше армии Цинчжоу, это было лишь выбором лучшего из худшего — против закаленной в боях армии Яньчжоу она не шла ни в какое сравнение. Поначалу военачальники Юнчжоу недовольно роптали на такие новшества. Однако после того как Се Лин приказал оставшимся двум десяткам тысяч воинов Яньчжоу продемонстрировать выучку, все роптавшие умолкли и признали свое поражение.

<http://bllate.org/book/18381/1767874>